

Цзиньцзы не нужно было повсюду следовать за мной. Одна половина меня была сосредоточена на ходьбе, а другая была нацелена на вечное уныние от мыслей о наших отношениях.

Моя жизнь – это настоящее страдание! В наше время тон голоса людей, когда они говорили о подобных мне влиятельных женщинах, был похож на тот, когда обсуждали женщин бандиток. Как однажды сказал Ишу, «ты должна быть в состоянии скакать на лошади и делать все остальное». Увидев, что ты хоть немного состоятельна и гордишься своими достижениями, люди смотрят на тебя свысока и с удовольствием называет тебя феминисткой, тщеславной и/или самодовольной. Что они знали о том, сколько усилий такие женщины, как мы, приложили за кулисами, сколько крови, пота и слез мы пролили, о которых никто не знает!

Ты должна зависеть от себя во всем. Когда ты видишь мужчин, твои старые привычки умирают. Ты хвастаешься своей сильной независимостью, намекая на то, что ты самодостаточна и о тебе не нужно заботиться, брать на себя ответственность; все, что ему нужно сделать, это убрать после себя. Когда придет время, и ты захочешь сделать следующий шаг, он с неловкостью на лице скажет: «Я недостойн тебя» или «Я мужчина и у меня тоже есть чувство собственного достоинства». Если тебе посчастливилось выйти замуж, то ты должна стать очень хитрой. Не упоминай о своем доходе, чтобы не провоцировать хрупкую мужественность другого человека. Даже если ты устала от сверхурочной работы, тебе все равно придется выполнять работу по дому вечером, чтобы люди не высмеивали твоего мужчину как домохозяина, который живет за счет женщины. Ты не можешь быть ведущей, когда занимаешься любовью, и даже не имеешь права подумать о том, что ты можешь что-то контролировать в своей спальне.... Обычно, это все заканчивается разводом.

Мне не приходило в голову, что в древних временах я оказалась не только в такой гнилой обстановке, но и все еще могла полагаться только на себя, и я все еще оставалась одна.

Люди в моем приемном зале – снова молодой человек за тридцать и мужчина средних лет за пятьдесят или шестьдесят. Молодой человек был среднего роста с мягким и утонченным темпераментом, благодаря которому у людей складывалось о нем очень хорошее впечатление. Естественно, это должен был быть старший брат Шао Циня и старший молодой мастер семьи Шао, Шао Минь. Говорили, что он родился от наложницы и не получил никакой поддержки в семье. При этом он никогда не был чиновником; полностью отличался от своего брата, который всего на несколько месяцев младше. Именно он женился на девушке из семьи Юйвэнь.

На его стороне, конечно же, стоял тесть и нынешний глава семьи Юйвэнь, унаследованный дворянин второго ранга Юйвэнь Фан. Он – худой пожилой мужчина с негодующим раздражающим лицом.

Как только я вошла в зал, они подошли ко мне, чтобы поприветствовать меня. Юйвэнь Фан плюхнулся на землю, неловко унижаясь передо мной.

Наполнившись тревогой, я быстро протянула руку, чтобы помочь ему подняться.

- Юйвэнь Фан, для чего это нужно? Пожалуйста, встаньте!

Юйвэнь Фан категорически отказывался вставать. Вместо этого он медленно поднял лицо вверх, старые слезы стекали по его лицу.

- Дажэнь, нам очень повезло, что вы поддержали справедливость и поймали собаку, которая опозорила мою дочь, привели убийцу к его заслуженному правосудию, но кто мог знать это.... Пожалуйста, Дажэнь...

Этот проклятый двуликий трехсторонний Чжан Цинлянь!

О, но ведь теперь мое положение в нынешней ситуации стало лучшим?!

Брови Шао Миня также были искажены беспокойством.

- Цинлянь, теперь, когда второго брата нет дома, у меня есть только вы. Моя жена и свекровь все время плачут....

Этот парень из семьи Шао видел в Чжан Цинляне жену своего младшего брата?

- Сердца людей требуют справедливости, как может каждый уровень общества не иметь свою собственную версию истории? Юйвэнь Фан, брат Шао, с сегодняшнего дня вы можете быть спокойны....

Говоря слова утешения, я подняла Юйвэнь Фаня.

Тьфу, что нет никакой разницы между мной и моим крестником, о котором действительно не хочется думать.

- Это дело было ясным и раньше, но теперь глава судебной канцелярии и министр Гао проводят совместное слушание. Известно, что министр Гао и семья Цуй находятся в хороших отношениях, поэтому мы не можем просить его о чем либо, а можем только попросить вас выступить посредником.

- Не беспокойтесь, брат Шао. Я уже убедил всех внимательно изучить это дело.

Я.... Я действительно сказала это с таким честным выражением лица!

Неважно, по крайней мере, это не было ложью.

Они выразили свою глубокую благодарность и озвучили свои жалобы, поэтому мне пришлось

посочувствовать им. Думая об этом, следует сказать, что этот Юйвэнь Фан выглядел действительно довольно трагично. Конечно, видя горе своего ребенка, он испытывал сильную душевную боль.

- Мой брат вернется в четвертом месяце, Цинлянь. Вы сможете приехать на встречу с ним в ресторан? - внезапно сказал Шао Минь.

Я засмеялась.

- Вы на самом деле меня дразните!

У меня внезапно возникла идея. Шао Цинь и его семья важны для меня; даже если я изменю свой политический стиль в будущем, бросая тех бессовестных учеников с плохой репутацией, которые не имеют ни малейшего представления о том, как правильно вести себя с моим «сыном», семья Шао и северные землевладельцы по-прежнему должны быть на моей стороне. Кроме того, я чувствовала, что они не противоречат моей эстетике. С этого момента мне придется приложить больше усилий, чтобы установить с ними хорошие отношения.

- Брат Шао, несколько дней назад кое-кто подарил мне несколько вещей. Они ничего не стоят, но были привезены из Персии и Аравии, поэтому их можно считать редкими. Пожалуйста, передайте их матери Шао, первой невестке, второй невестке и всем вашим младшим сестрам.

Мать Шао была матерью Шао Циня и Шао Миня. Первая невестка - жена Шао Миня, а вторая невестка - жена Шао Циня. Младшие сестры - несколько дам из семьи Шао, которые еще не вышли замуж; среди них одна родилась от первой жены, а остальные от наложниц. Хе-хе, знакомство с каждой мельчайшей деталью предмета - одно из моих секретных средств для победы над врагом.

- Принеси со склада десять цветов персидского муслина, которые я получил несколько дней назад, вместе с двумя фиолетовыми соковыжималками, сделанными из золота, двумя кошечками амбры и шестью корнями корейского женихеня. Эти вещи будут отправлены в резиденцию Шао, - приказала я Хун Фэн.

Шао Минь быстро отказался.

- Цинлянь, эти вещи должны остаться вашими.

Я улыбнулась. Разве можно было использовать эти вещи лучше, чем для того, чтобы расположить к себе эту семью. Я должна была уговорить Шао Миня принять мои подарки.

- В моей резиденции не было женщин, кроме этой горничной Хун Фэн. Разве она одна сможет воспользоваться всеми этими вещами? Они бы лежали без дела и в скором времени были бы съедены молью. Как насчет того, чтобы вернуться и утешить первую невестку, брат?

После этого они ушли. Мне стало стыдно и я сняла улыбку со своего лица. Как утомительно! Политический мир еще темнее, кровавей и лицемерней, чем деловой.

Такое ощущение, что на мою грудь давил тяжелый валун. Я решила в одиночестве пойти к скале и посидеть там.

Я действительно немного скучала по современному времени. Я скучала по квартире, которую я только что купила, по множеству дорогих вечерних платьев, по своему окружению и малому количеству друзей...

Хотя мне приходилось использовать хитрости, и были времена, когда мне не хватало времени, жизнь была высоко летающей и плавной, в конце концов, очень похожей на беспомощность современности.

Один француз однажды сказал мне, что вся политика покрыта грязью, а все политики - головорезы. В то время я думала, что это академично, но теперь, когда у меня не было выбора, кроме как принять участие в этой грязи, что оказалось болезненным.

<http://erolate.com/book/3883/105925>